

К ВОПРОСУ О ПАРНЫХ СЛОВАХ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Знакомство с лингвистической литературой по ряду разносистемных языков обнаруживает, что в них парные слова либо в глубокой древности занимали определенное место в общей системе словообразования, либо еще не утратили этой функции на современном этапе развития отдельных языков. Поэтому степень значимости парных слов как словообразовательной модели и их продуктивность различна в разных языках. В некоторых индоевропейских языках остались лишь следы подобного словообразования в виде отдельных реликтов¹, в других уже утратили активную функцию словотворчества², а в третьих — еще служат активным, жизнеспособным средством образования слова, как например, в некоторых финно-

¹ А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках, Варшава, 1903; А. А. Потебня. Из записок по грамматике русского языка, т. 3, Харьков, 1899, стр. 533. Слова типа хлеб-соль, путь-дорога, калина-малина и т. д. *Иль-моль, керки-забори*

² В языках иберийско-кавказской группы нет специальных работ, посвященных этой проблеме, но имеются отдельные упоминания в соответствующих разделах грамматики (Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М., 1948, стр. 187). Вместе с тем, при собеседовании с самими носителями языка обнаруживается наличие парных слов и удвоений в ряде кавказских языков. Е. А. Бокарев объясняет, что парные слова, хотя и бытуют в кавказских языках, но уже не являются живым, продуктивным типом и относятся к одному из древних словообразовательных средств.

³ Д. В. Бубрих. Эрзя-мордовская грамматика минимум, Саранск, 1947; В. И. Алатырев. Парные сложные слова, Уч. зап. Карело-финского ун-та, Петрозаводск, т. 1, 1946.

угорских³, тунгусо-маньчжурских⁴, тюркских⁵ и монгольских языках. Парные слова изучаются особенно интенсивно в тюркских языках. Наличие монографических исследований о парных словах в других языках дает очень интересный материал для сопоставления их с аналогичным явлением в монгольских языках и выявления общих черт между ними. Об этом будет сказано дальше.

Что же касается значимости парных слов в монгольских языках вообще и в бурятском в частности, можно сказать следующее:

1) В грамматиках по монгольским языкам⁶, вышедших, начиная с XIX в. вплоть до 40-х годов XX в., парные слова и удвоения не выделены особо, как таковые, в плане слово- и формообразовательного средства языка. О них имеются лишь отдельные разрозненные сведения.

2) Период после 40-х годов характеризуется тем, что в работах по монгольским языкам⁷ парные слова уже выделены как определенный грамматический прием. Этому периоду свойственно специальное рассмотрение разрабатываемой нами темы в диссертациях в связи с изучением лексического состава монгольских языков⁸, словообра-

³ Т. И. Петрова. Удвоение и парные сочетания в нанайском языке.

⁴ Н. К. Дмитриев. Парные словосочетания в башкирском языке. Изв. АН СССР, Отд. гум. наук, 1930, № 7; Е. И. Убрятова. Парные слова в якутском языке, Язык и мышление, т. 11, 1948; С. К. Кенесбаев. Фразеологические парные слова в казахском языке, Изв. АН Каз. ССР, серия лингв., № 82, вып. 6, 1950; А. Кайдаров. Парные слова в современном уйгурском языке, Алма-Ата, 1958; Р. А. Аганин. Повторы и устойчивые парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959.

⁶ А. Бобровников. Грамматика монгольского языка, СПб., 1835; А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849; А. Кастрен, Versuch einer Burjätischen Sprachlehre nebst Kurzem Wörterverzeichnis, Спб., 1857 и другие.

⁷ Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка, М.—Л., 1941; Б.Х. Тодаев. Грамматика современного монгольского языка, М., 1951; Ш. Б. Лувсанвандан, Дэмчигдорж. Грамматика монгольского языка, Улан-Батор, 1951; Д. Д. Амоголонов. Современный бурятский язык, Улан-Удэ, 1958; В. М. Наделяев. Грамматика современного монгольского языка (рукопись).

⁸ Т. А. Бертагаев. Лексика монгольских языков. М., 1947 (рукопись докт. дис.).

зования⁹ или же попутные замечания в связи с составом слова¹⁰. Имеются также и отдельные статьи¹¹.

Приведенный список уже свидетельствует об определенном сдвиге в этом вопросе, хотя многие стороны этой проблемы не получили должного освещения. Необходимо отметить, что об удвоении гораздо меньше сказано, чем о парных словах. Причем большинство монголистов рассматривает слова типа *саахар маахар*, *хатлээд матлээд* как парные слова или ложно-парные слова (Г. Д. Санжеев), биномы (Т. А. Бертагаев), слова-близнецы (Л. Бэшэ). Являются ли они таковыми? Нам кажется, что в этом вопросе более правильной позиции придерживается В. М. Наделяев, относя их к видоизмененному повтору. Образования типа *саахар маахар* рассматриваются нами в разделе «Удвоенные слова».

Относительно же итогов изучения парных слов монголистами более раннего периода можно сказать, что они в них видели лишь функцию множественности¹². О словообразовательной роли не упоминается.

Общим и объединяющим началом в исследовании парных слов на современном этапе является единодушное признание наличия парных существительных с обобщающим значением. Некоторые из авторов указывают на парные глаголы. Иначе говоря, исследователи попутно в связи с анализом тех или иных лингвистических явлений отмечали отдельные стороны проявления парных слов, но монографических исследований с изложением всей специфики парных слов в монгольских языках пока еще нет. Между

⁹ У.-Ж. Дондуков. Словообразование имен существительных (рукопись канд. дис.), Л., 1955.

¹⁰ Ц.-Ж. Цыдыпов. Методика преподавания состава слова, М. (рукопись канд. дис.).

¹¹ Г. Д. Санжеев. Грамматические приемы в монгольских языках, Тр. ин-та востоковедения, сб., № 2, М., 1940; Д. А. Алексеев. Обогащение словарного состава бурят-монгольского языка за советский период. Записки БМ НИИК, XX, Улан-Удэ, 1955; Л. Бэшэ. Zwillingswörter im Mongolischen, Acta Orientalia. Hung. Tomus 7, Fasc. 2—3, 1957, Budapest, стр. 199.

¹² Александр Бобровников пишет: «Некоторые существительные имена делаются множественными через прибавление к ним других существительных, имеющих сходство с ними. Например: *эх эцэг* «родитель», *хүн амитан* «человек», *нүхэр сиду* «друзья», *мал адагусан* «скот», *нүгэл хэлэнц* «грехи» (Грамматика монг. языка, 1835, стр. 27); см. также: А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, Казань, 1878, стр. 45.

тем, обращает внимание необыкновенная употребительность их в живом разговорном языке, художественной литературе и языке устного народного творчества. Причем это наблюдается не только в бурятском языке. Такое же обилие и частота употребления свойственны и халха-монгольскому и калмыцкому языкам.

Учитывая то, что парные слова, как словообразовательная модель бурятского языка, еще недостаточно выявлены и поэтому в учебных пособиях слабо отражены, если не сказать большего; учитывая также и то, что парные слова имеют широкое распространение в языке, сочли нужным специально исследовать их.

В данной статье мы кратко изложим отдельные фрагменты из монографии.

Парные слова представляют собой особый тип сложных слов, образованных синтаксическим способом сочинительного соположения двух равноправных слов. Например: *һанал бодол* «мировоззрение», *һайшаал магтаал* «комплименты», *гэр байшан* «строения», *үндэр набтар* «высота», *бүдүүн нарин* «толщина» и т. д. Это копулятивные композиты.

Парные слова относятся, с одной стороны, к лексикологии, создавая новые понятия или новые оттенки понятий, тем самым пополняя лексический состав языка. А с другой стороны, при образовании парных слов используется синтаксический прием сочинительного соположения для образования новой лексической единицы. Но вместе с тем между сочетающимися компонентами парных слов нет никаких синтаксических отношений, т. е. они не определяют и не дополняют друг друга наподобие сочетаний типа: *үхэр буу* «пушка», *морин хараасгай* «ласточка-касатка» и т. п.

Следовательно, парные слова представляют особый тип лексической единицы, обладающий присущими только им свойствами. Парные слова характеризуются единством целого комплекса критериев, а именно: семантического, фонетического, морфологического и синтаксического, которые находятся в тесном взаимодействии друг с другом.

Компоненты парных слов объединены единым лексико-семантическим содержанием и подобно слову выполняют функцию одного члена предложения.

Парные слова образуются почти от всех частей речи, например: от имен существительных — *гал уһан* «стихия»

(от *гал* «огонь», *уһан* «вода»); от имен прилагательных — *хатуу бэрхэ* «трудный, тяжелый» (от *хатуу* «твердый, жесткий», *бэрхэ* «трудный»); от местоимений — *энэ тэрэ* «всякий, разный» (от *энэ* «этот», *тэрэ* «тот»); от числительных — *нэгэн хоёр* «около двух» (от *нэгэн* «один», *хоёр* «два»), *таба зургаан* «приблизительно шесть» (от *таба* «пять», *зургаан* «шесть»); от глаголов — *яларха таларха* «сверкать, светиться» (от *яларха* «светиться», *таларха* «расходиться»); от наречий — *алад саана* «далеко, далее» (от *алад* «мимо», *саана* «дальше, подальше»); от образительных слов — *һаршага һоршого* «шелестеть, шуршать»; от частиц — *бии үгы* «все, что есть» (от *бии* «есть», *үгы* «нет»): *бии үгы залуушуулые суглуулаад, тэдэндээ хэлэхэ юм* «Собрав всю молодежь, следует держать речь перед ней».

Степень продуктивности в образовании парных слов различна для каждой части речи. Если для имен существительных, прилагательных, глаголов можно считать продуктивным этот способ, то для местоимений, числительных, частиц это исключено.

Общее смысловое значение сочетания парных слов тоже различно для каждой грамматической категории. Например, для парных имен существительных свойственно суммирование, обобщение, абстрагирование; для прилагательных — тоже абстрагирование: образование отвлеченных существительных типа *будуун нарин* «толщина», *ехэ бага* «размер»; усиление качества обозначаемого признака — *гоё гоомой* «нарядный, щеголеватый»; для глаголов — длительность с оттенком повышенной экспансивности (*хэлэхэ хөөрэхэ* «говорить, поговаривать») и т. д. Безусловно, в пределах объема статьи трудно перечислить все многообразие выражаемых понятий, так как общее смысловое значение сочетания парных слов находится в прямой зависимости от характера содержания их компонентов.

Лексико-семантическая сущность парных слов характеризуется следующими признаками:

1. Взаимоотношением компонентов парного сочетания с точки зрения их смыслового содержания. Парные слова в плане лексической значимости их компонентов делятся на три группы: парные слова, состоящие из двух лексически самостоятельных слов; парные слова, состоящие из сочетания одного лексически значимого слова со словом, не употребляющимся самостоятельно; парные слова,

состоящие из двух, самостоятельно не употребляющихся слов. Из них первая группа представляет наиболее существенную и продуктивную часть парных слов.

2. Определенной сочетаемостью компонентов парных слов: в паре могут сочетаться слова либо синонимные или близкие по значению, либо антонимы, либо слова одного лексического класса.

3. Общим смысловым значением всего сочетания парных слов, о чем кратко было сказано выше.

Морфологическая сущность заключается в обязательной морфологической однородности составных частей парных слов, т. е. оба компонента относятся к одной морфологической категории. Это непереносимое и обязательное условие слов, вступающих в парное сочетание. Даже в пределах одной части речи наблюдается строго определенное тождество в разряде слов. Например, в именах существительных сочетаются либо только нарицательные, либо только собственные. В прилагательных сочетаются качественные с качественными, относительные с относительными. В местоимениях, числительных, наречиях в паре встречаются слова только однородного разряда. Также и в глаголах.

Элементами парного слова могут быть и производные и непроизводные. В отношении компонентов, состоящих из двух производных существительных, можно сказать, что здесь наблюдается тенденция к употреблению форм, т. е. либо оба компонента имеют одинаковые аффиксы, либо близкие по звучанию слова. Например, *мүрдэлгэ мүшхэлгэ, эдилгэ абалга, хангираан шэнгирээн, этигэл найдал, алдуу эндүү, уурал хаарал* и т. д.

Все словозменительные аффиксы принимают последний компонент. В древнемонгольском языке оформлялись оба компонента. Например: *Temüjin aqa-nar deu-per moγilaγu, erle boct Burqan juk qarba* «Темучин с братьями тронулись и еще до зари поднялись на Бурхан».¹³ Между тем, в современном калмыцком языке сохранилась эта древняя черта в парных словах».¹⁴ Например, в тех же

¹³ С. А. К о з н и в. Сокр. ск., стр. 219.

¹⁴ По данным А. Кайдарова, и в древнейгурском языке оформлялись оба компонента, а в современном — только второй, т. е. такая же картина, как и в монгольских языках. А в якутском языке, как пишет Е. П. Убрятова, оформляются оба компонента парного слова.

словах *ахнр дүүнр* оба компонента принимают форму множественного числа.

В плане фонетическом действует закон фонетического созвучия: рифма, ассонанс, аллитерация и т. д. Соблюдается определенное слоговое соотношение компонентов. Подбираются слова преимущественно с одинаковым количеством слогов.

С точки зрения синтаксических свойств парные слова характеризуются тем, что они в предложении выполняют роль одного члена предложения в зависимости от их морфологической принадлежности.

Все эти 4 критерия выступают как дополняющие друг друга признаки, но объединяются на семантической основе.

Парные слова, состоящие из слов с одним значимым компонентом (например, *хубсаһа хунар*; в современном бурятском языке нет слова *хунар*, которое бытует еще в дагурском языке в значении «одежда») или же из двух значимых компонентов, (например: *нултан халтан*, *хаа-яа*, *һаби-һоби* и т. д.) не вызывают сомнения в смысле квалификации их как парных слов.

Несколько сложнее обстоит с парными словами, состоящими из двух значимых слов. Здесь мы исключаем образования типа: *һэшхэл* (совесть), *мүнгэ танга*, возникших при посредстве заимствованных слов. Дело в том, что в бурятском языке нередко встречаются парные слова, как бы напоминающие собой однородных членов предложения, ибо те же элементы, составляющие парные слова, выступая в своем собственном значении, выполняют функцию однородных членов предложения. Тем не менее можно их отличить друг от друга, если учесть, что:

1. Парные слова передают одно единое смысловое содержание, тогда как каждый из однородных членов предложения функционирует в своем собственном значении.

2. Парные слова произносятся без паузы и без интонации перечисления, что не свойственно однородным членам предложения.

3. Формальные показатели принимает второй компонент парного слова. Например, сочетание *ахатайб дүүтэйб* нельзя относить к парным словам, т. к. здесь идет речь не вообще о братьях, родственниках, а о конкретных двух братьях—старшем и младшем. Сочетание *аха дүүтэй* будет уже парным словом, поскольку здесь передано общее значение — не старший и младший, а вообще братья, родня.

4. Парные слова в отличие от однородных членов предложения выполняют функцию одного члена предложения и не допускают вставки пояснительных слов между собой.

Таковы общие свойства парных слов в бурятском языке в предварительных, очень кратких чертах.

Наряду с этим, хотелось бы кратко коснуться вопросов образования, применения, их происхождения, их общности с другими языками и места парных слов в бурятском языке. Принцип образования парных слов в бурятском языке такой же, как и в других монгольских языках, тюркских и некоторых финно-угорских. Тюркологи¹⁵, рассматривая парные слова как живую модель словообразования в современном состоянии языка, также указывают на более древний характер их происхождения.

Парные слова в монгольских языках уходят корнями в глубокую древность языка. Было очень интересно обнаружить в древнем монгольском языке многие парные слова, большинство которых активно функционирует в современных монгольских языках. Например:

есіке еке «родители»

ауага саба «посуда»

нисун нилбусу «слезы»

тенкис далай «море»

ендеце тендеце «всюду»

қулағай қудал «воровство»

қарі сігі «дом, имущество»

хари сари «утварь, домашние принадлежности»

егекун отоқун «мужественный, храбрый»

Здесь приведены лишь некоторые парные слова, встречающиеся в памятниках XIII в¹⁶. Зарегистрированы они и в словаре Мукаддимат Ал-Адаба¹⁷.

¹⁵ Т. М. Г а р и п о в. Именное словообразование в башкирском литературном языке, М., 1955, автореферат канд. дис.; С. Н. М у р а т о в. Сложные имена в системе башкирского словосложения, Л., автореферат канд. дис.; Р. Б е р д ы е в. Сложные слова в современном туркменском языке, М., 1955, автореферат канд. дис.; Б. М е д а л и е в. Сложные слова в современном узбекском языке, Ташкент, 1956, автореферат канд. дис.

¹⁶ С. А. К о з ь н ь. Сокровенное сказание, Монгольская хроника, 1240, Юань-Чжао-биши, М.—Л., 1941, стр. 203, 217, 244, 246, 247, 262, 269, 271, 289.

¹⁷ Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб, I—II, М.—Л., 1938.

Для современного состояния языка наиболее характерно употребление парных слов в языке устного народного творчества, художественного произведения, разговорной речи. Менее всего они применяются в языке деловых, серьезных корреспонденций.

Здесь необходимо отметить одно очень важное свойство парных слов. Это касается отношения самого носителя языка к парным словам. Дело в том, что каждый носитель языка, независимо от его образовательного ценза, обладает потенциальной возможностью образовать свои парные слова, которые молниеносно придумываются им для выражения какого-либо понятия и тут же могут быть забыты им самим же. Это характерно как для бурята, так и для калмыка и монгола. Во всяком случае, парные слова представляют легко доступную форму словообразования для носителей языка. Безусловно, не всякое образование подобного характера можно считать уже парными словами, ибо для этого они должны обладать определенными свойствами лексической единицы¹⁸. Но наличие такой возможности словообразования свидетельствует об объективно существующем характере данного процесса.

Любопытно отметить, что употребление парных слов в народном эпосе имеет своеобразный характер. Обычно парные слова в бурятском языке состоят из двух компонентов и между ними невозможно вставить какое-либо пояснительное слово. Многие из них имеют свои прототипы в фольклорном произведении, но в разъединенном виде. Например:

1. Дээшээ хаража уйлаба,
Доошоо хаража зогсобо. (Нам. III. 55).
2. Ганахагуй юумые ханажа,
Һанаа зүрхэмни хүдэллэйл,
Бодохогуй юумые бодожо,
Боро зүрхэмни доһоллойл! (Н. III. 78).
3. Арай гэжэ даажа,
Ядаа гэжэ асарба. (Н. III. 84).
4. Аали һуужа асууба,
Удаан һуужа удхалба. (Н. III. 81).

¹⁸ И в этом вопросе интересно отметить общие свойства парных слов в монгольских и тюркских языках. Е. И. Убрятова пишет, что в якутском языке может быть использовано любое слово для образования парного слова, но не всякое парное слово, вызванное потребностью выразить то или иное понятие в данную минуту, обязательно становится лексической единицей (см. указ. соч., стр. 307).

В предложениях 1, 3, 4 первые слова строк представляют как бы разъединенные парные слова, каждый из компонентов которых оброс своими пояснительными словами. В предложении 2 организующим смысловым центром является *hanaхагуй бодохогуй*, которые имеют свои зависимые слова в пределах двух стихотворных строк.

В приведенных примерах фактически как будто бы нет парных слов, ибо они разъединены друг от друга целым рядом поясняющих членов предложения, но в сознании они соотнесены как парные слова. Они объединены единым значением. В целом их задачей является усиление содержания художественно-образительной сущности реализуемого значения. И именно эта смысловая парность и служит здесь организующим центром стихосложения. В теории бурятского стихосложения такой прием называется параллелизмом¹⁹. Обычно вторая часть синтаксического построения полностью повторяет мысль, высказанную в первой части предложения теми же словами, за исключением начального слова строки, которое может быть либо синонимичным или же близким к этому, либо противоположным по значению. Парность этих разобщенных компонентов единой лексической единицы особенно наглядно можно продемонстрировать на примере: *Эрюулэн байжа хараба, Тойруулан байжа үзэбэ* (Н. Ш. 98).

Если реконструировать это предложение на прозаический лад, то получится: *Эрюулэн тойруулан байжа хараба үзэбэ*. Иначе говоря, *эрюулэхэ тойрохо, хараха үзэхэ* обычно в языке употребляются как парные слова с общим лексическим значением. Использование же их в начале стихотворных строк способствует еще большему смысловому сближению всего комплекса сочетания.

Необходимо отметить, что сочетания потенциально парных слов не всегда бывают разъединены. В одном и том же произведении встречаются случаи разобщения и слитного употребления одних и тех же пар. Например: *Гэр тээшээ дугицууба. Доомо тээшээ дугицууба.*

Гэр доомодоо ерэбэ
Абай Гэсэр Хаан. (А. Г. 85).

¹⁹ «Под параллелизмом вообще понимается соединение минимума двух предложений или частей их путем соответствия синтаксической структуры и смысла» (Г. О. Т у д е ц о в. Бурятское стихосложение. Улан-Удэ, 1958, стр. 67).

В улигерах встречаются всевозможные варианты параллелизма. Любопытно то, что почти все парные слова, бытующие в современном разговорном и литературном бурятском языке, встречаются в улигерах, неснях и прочих жанрах фольклорной поэзии в разъединенном виде в качестве компонентов параллельных конструкций.

Но бывает и так, что компоненты парного сочетания, разъединенные друг с другом, даже утрачивают свое лексическое единство, представляя в таких случаях только синтаксический параллелизм.

Анализ парных слов в фольклорной литературе дает нам некоторые контуры происхождения парных слов. Возможность происхождения парных слов в пределах синтаксиса предполагает два пути: 1) сочетание однородных членов предложения²⁰; 2) использование приема параллелизма в народном эпосе. Во всяком случае семантический принцип подбора слов, организующих смысловый центр параллелизма, совпадает с аналогичным явлением в парных словах. Правда, здесь могло быть и обратное явление, но мы не располагаем аргументированными данными. Возможно, некоторые парные слова образовались в результате постепенного синтаксического, семантического и структурного видоизменения, но это было в прошлом развитии языка, а на данном этапе уже превратились в модель.

Другим путем возникновения парных слов является путь заимствований слов из других языков, например:

Болдогоор хэмнэжэ мяха гаргаба,
Нуураар хэмнэжэ воодхо гаргаба (Л. Г. 86).

Здесь парными являются *архи воодхо*. Последнее слово заимствовано из русского языка. Употребление заимствованного слова со словом родного языка объясняется необходимостью пояснить это новое слово. Некоторое пополнение дают и диалекты, например: *хура бороо, уур сухал, үһэ нооһон, харгы зам* и т. д.

Между тем, на лингвистической конференции в Улаан-Удэ в 1953 году раздались отдельные голоса, предостерегающие от чрезмерного увлечения словами типа *үгэ хүүр*,

²⁰ На возможность образования парных слов из однородных членов предложения впервые в тюркологии отметила Е. П. Убрятова на материале якутского языка.

хура бороо, зун нажар и т. д.²¹, объясняя это «неэкономичностью и громоздкостью». На этом же совещании Ц. Б. Цыдендамбаев²² совершенно справедливо отстаивал право на их существование, аргументируя тем, что «парные слова с давних пор вошли в плоть и кровь нашего языка». В самом деле, трудно отрицать значимость парных слов в языке, которые занимают определенное место в общей системе словообразования в ряде языков. К сожалению, они еще недостаточно изучены, поэтому для сопоставления мы располагаем материалами преимущественно тюркских языков. В итоге обнаруживается очень много сходных явлений, начиная с происхождения их, структурно-морфологической функции, кончая общностью или совпадением в области семантического подбора сочетаемых пар. Иначе говоря, для выражения общего понятия употребляются в разных языках слова с различной звуковой оболочкой, но с одним и тем же значением. Например, в бурятском, калмыцком, монгольском, уйгурском, удмуртском языках понятие «родители» образуются сочетанием отец-мать, «дети» — сочетанием сын-дочь, «братья» — старший-младший, «супруги» — жена-муж, «конечности» — рука-нога, «лицо» — вид-лицо, рот-нос и т. д.

Иногда встречаются даже слова с одинаковым звуковым составом, например:

общ. знач	бур.	уйг.	туркм.
братья	аха дүү	ака-ука ага-ини	
сестры	эгэшэ дүү	егичэ-синил	
родня	ураг садан	уран-журан	уруг-таре
крик, шум	дуу шуу	у-чу	
посуда	аяга шанага		гэп-чанах
	такша аяга	чинэ-тэхсэ	и т. д.

Как видно, один из компонентов, если не оба, совпадают и по значению, и по звуковому составу. Таких примеров совпадения встречается много, особенно в уйгурском и тувинском языках.

Поэтому для выявления всех общих черт и свойств пар-

²¹ Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка, Улан-Удэ, 1955, стр. 111.

²² Там же.

ных слов необходимо всесторонне изучить их, охватывая все жанры и области бурятского языка. Особенно плохо обстоит дело с изучением парных слов в диалектах, говорах, являющихся постоянным источником пополнения лексики литературного бурятского языка.

Использование же парных слов в прозаической художественной литературе лишь обогащает язык произведения, придавая ему образность, эмоциональную выразительность, меткость характеристики персонажа. Чем богаче язык писателя, тем искуснее он пользуется этими языковыми приемами. Это видно и по произведениям Хоца Намсараева, Ч. Цыдендамбаева и других. Особенно богат в этом отношении роман Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый». Одним из основных художественных средств языка служат парные слова в коротеньком шуточном рассказе Н. Очирова «Веселый нрав». Например: «Үнэ жү-һөөш һамнахагүй, хубсаһа хунарааш хананхалхагүй, һамга жэмгэээ голоһон борховойһон хэбэртэй налгай наһан, альбан жэльбэн юумэд ерэхэ юм». В этом предложении мы имеем 6 парных слов. Возможно, чрезмерное увлечение тоже является крайностью, но если бы один из компонентов парных слов был бы опущен, то уже несколько снизилась бы экспрессивная выразительность мысли автора. А сколько таких колоритных, удачных новообразований остается не зарегистрированными? Ведь они обогащают выразительную способность языка и находятся в активном фонде арсенала языка писателя.

Поэтому нам кажется, что необходимо составить словарь парных слов и дать его на вооружение художникам слова. В бурят-монгольско-русском словаре К. М. Черемисова зарегистрированы некоторые парные слова, но их еще недостаточно, ибо язык располагает гораздо большим количеством парных слов.